

Гу Чжису медленно прошелся обратно к окну, внезапно распахнув его настежь, позволяя лунному свету упасть в комнату. Его взгляд скользнул по пустому двору, и голос внезапно понизился.

— Юэ Цинь, есть одна вещь, о которой я хочу тебя спросить.

Тень за ширмой наклонилась:

— Пожалуйста, прикажите, четвертый молодой господин.

— У тебя есть «Роса темной орхидеи» и «Притягивание души»?

Услышав эти названия, голос женщины на мгновение замер, прежде чем она медленно ответила:

— Отчитываюсь, молодой господин... у подчиненной есть.

— Оставьте вещи, вам здесь больше не нужно, идите.

Гу Чжису пристально смотрел на лунный свет за окном, и лишь через некоторое время, заметив, что они все еще в комнате, слегка нахмурился и тихо сказал:

— Что случилось? Если есть что сказать, говорите.

— Молодой господин, служанка осмелится сказать одно.

Услышав это, женский голос, чистый и мелодичный, после некоторого колебания, наконец, тихо произнес:

— Сегодня мы встретили того Вэй Ю, его поведение показалось немного...

— Немного странным, верно?

На этот раз, не дожидаясь, пока она закончит, Гу Чжису слегка усмехнулся, уголки его губ приподнялись в едва заметной улыбке.

— Идите, я хочу отдохнуть.

После этих слов женский голос тихо ответил «да», поставила два маленьких флакона у ширмы и быстро удалилась. После того как она ушла, мужской голос снова зазвучал:

— Четвертый молодой господин, это передал вам наш хозяин, пожалуйста, взгляните.

Едва он успел договорить, как он уже обогнул ширму, открыв стройную фигуру и круглое, нежное детское лицо, которое резко контрастировало с его дневным обликом. Это заставило обычно строгого Гу Чжису невольно улыбнуться, но когда его взгляд опустился на предмет, который держал в руках этот человек, он внезапно слегка замер.

В раскрытой квадратной деревянной коробке стояла чаша из белого нефрита с цветком груши, украшенная рельефным узором в виде цветков бледно-зеленого цвета. Рядом лежал набор письменных принадлежностей, который он нарисовал на эскизе, все они были тщательно вырезаны из высококачественного зеленого нефрита.

— Передайте вашему хозяину, что он очень внимателен.

Пальцы Гу Чжису скользили по чайной чашке, на которой великолепно расцветали светло-зеленые цветки груши. Вспомнив, как тот человек тайком забрал осколки фарфора, но вернул ему целую чашу, он невольно улыбнулся и, повернувшись, передал Юэ Я конверт, который был запечатан, но не подписан.

— Передай ему это письмо.

На следующий день после того, как он наконец передал письмо Юэ Я, Гу Чжису, закончив завтрак, сидел за столом и читал. Его взгляд время от времени падал на новую чернильницу из зеленого нефрита и на чашу из белого нефрита с цветком груши, которая под солнечным светом мягко сияла, явно побывав в руках много раз. Узоры в виде цветков груши казались живыми, отбрасывая глубокие и нежные зеленые тени, которые проникали в сердце.

Он пристально смотрел на чашу из белого нефрита, погруженный в свои мысли, когда внезапно услышал встревоженный голос Цинхуань, доносящийся из-за окна.

— Молодой господин, молодой господин!

Гу Чжису встал, как только услышал это, и увидел, как она вбежала в комнату. Он слегка нахмурился:

— Что случилось?

Цинхуань, едва переведя дыхание, поспешно достала из рукава черный лист бумаги и протянула его обеими руками, в ее глазах оставалась тревога:

— Сегодня Великий князь Бао прислал приглашение, желая навестить вас.

— Навестить меня? — Услышав имя Синь Линьхуа, Гу Чжису вспомнил их случайную встречу в коридоре после дворцового банкета, и в его сердце уже зародилось предчувствие. — Не навестить старшую сестру?

Цинхуань осторожно посмотрела на него, изучая его выражение, и сказала:

— Да... князь сказал, что познакомился с вами на дворцовом банкете и договорился встретиться снова в резиденции князя И, поэтому...

Гу Чжису бегло просмотрел приглашение и бросил его на стол. Вспомнив о цели визита Синь Линьхуа, он усмехнулся:

— Отец, мать и старая госпожа видели это приглашение?

Цинхуань сжала губы и смущенно кивнула:

— Все видели. Служанки из дворов Линьцзян и Яюнь тоже знают...

Гу Чжису задумался на мгновение, но прежде чем он успел что-то сказать, за спиной Цинхуань появилась Ху Цинь-эр, которая сначала закрыла за собой дверь, а затем поклонилась ему, в ее взгляде была доля хитрости.

— Молодой господин, есть еще одна вещь... Когда я шла с Цинхуань, мы проходили мимо двора Яюнь и слышали из комнаты звуки разбивающейся посуды...

Услышав это, Гу Чжису резко взглянул на нее, сразу поняв намек:

— Разбивающаяся посуда?

— Да, молодой господин, если бы сестра Цинь не сказала, я бы и не вспомнила! — Цинхуань, всегда прямолинейная и невнимательная к мелочам, по пути была слишком занята приглашением, чтобы обратить внимание на такие пустяки, но теперь, после напоминания Ху Цинь-эр, тоже кивнула. — Звуки разбивающейся посуды были очень громкими. Мы с сестрой Цинь даже испугались, когда проходили мимо.

Если в это время, когда Гу Хайтан находится без сознания, в комнате дворца Яюнь продолжают разбивать посуду, это может быть только хозяин. Но, судя по словам Цинхуань, госпожа Синь должна быть в это время в дворце Линьцзян. Кто же тогда мог так бесцеремонно разбивать посуду в комнате Гу Хайтан?

Обменявшись взглядом с Ху Цинь-эр, Гу Чжису улыбнулся и внезапно сменил тему:

— Говорят, в нашем заднем саду недавно зацвели сливы?

Цинхуань не понимала, почему он заговорил об этом, но честно ответила:

— Да, молодой господин.

Гу Чжису оглянулся на стоящую на столе чашу из белого нефрита с цветком груши, сияющую великолепием, и тихо, слово за словом, произнес:

— В таком случае, почему бы нам не пойти полюбоваться сливами?

Цинхуань смутилась, не понимая его намерений, и пробормотала:

— Но, молодой господин... приглашение князя...

— Приглашение князя, конечно, нельзя игнорировать, но если принимать гостя в саду, это будет недостаточно торжественно. Разве это не будет неуважением к добрым намерениям князя?

Гу Чжису направился к выходу, позволяя Ху Цинь-эр набросить на него теплый плащ, а затем подать ему ручную грелку, наполненную углями. Его взгляд, казалось, был наполнен мягкой улыбкой:

— Раз уж сливы зацвели в заднем саду, почему бы не воспользоваться этим случаем?

Цинхуань почесала голову, подумала и, наконец, поняла, ее глаза загорелись:

— Вы правы, молодой господин. Тогда... вы пойдете один, или...

Гу Чжису украдкой взглянул на Ху Цинь-эр, его улыбка стала глубже, и он тихо приказал:

— Позови Вэй Ю, он уже несколько дней не выходил. Вы двое пойдете со мной.

Услышав, что на этот раз Гу Чжису берет ее с собой, Цинхуань радостно кивнула, убрала чайные принадлежности в комнате и, взяв узелок, отправилась в комнату Вэй Ю, чтобы привести его. Гу Чжису внимательно посмотрел на него, и все трое направились в сливовую рощу заднего сада резиденции князя И.

Едва ступив на извилистую галерею, Гу Чжису почувствовал, как его взгляд оживился, увидев

под солнечным светом красные и белые сливы, которые цвели в разное время. Аромат их был настолько приятен, что проникал глубоко в сердце. Цинхуань тоже была очарована этим видом, долго смотрела и только потом пришла в себя, воскликнув:

— Молодой господин, эти сливы просто великолепны!

Гу Чжису улыбнулся, окинул взглядом и спустился по каменным ступеням, остановившись среди густых ветвей красных слив.

— Действительно, очень красиво.

Цинхуань, видя, что ее хозяину нравится, хотела сразу расставить чайные принадлежности на галерее, но прежде чем она успела что-то сделать, Гу Чжису приказал:

— Цинхуань, расставь чайные принадлежности под деревом. Хотя здесь, конечно, холодно, но если сидеть только в беседке, это лишит нас удовольствия от любования цветами.

Вэй Ю, который с момента выхода из комнаты стал необычно молчаливым, на этот раз неожиданно согласился:

— Молодой господин прав. Только в роще можно по-настоящему насладиться видом.

— Тогда я расставляю чайные принадлежности здесь.

Глава в три тысячи иероглифов, прошу веточки '▽'

<http://bllate.org/book/16652/1525741>